

СИЛЬВИЯ МАЛЕЙНОВА: Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Моск. правда. - 1999 - 11 июня. - с. 11.

— Я счастливый человек. Судьба подарила мне жизнь, в которой благодаря моей контактности, доброжелательности и доброте, наверное, прошу прощения у читателей за нескромность, люди ко мне тянулись, как к огоньку. Я попала в семью, в которой очень любили театр. С семи лет живу в Москве, и мы ходили в Большой театр, как к себе домой. Когда хотели, тогда и ходили; ведь раньше детей пускали на вечерние спектакли.

Жили у Петровских ворот. И гуляли на Петровском бульваре. Сидим однажды: идет Шаляпин — красавец, интеллигент, высок, с огромными голубыми глазами, золотистые волосы. Папа говорит мне: "Сильвочка, посмотри, Шаляпин". И я, знаете, как дети это делают, закричала: "Шаляпин!" — "Ты почему, детка, меня узнала?" — "Папа берет меня в театр, больше всего мне нравится ваш Мельник". Нужно сказать, что он ходил с тростью, для пижонства, и набалдашник Шаляпина изображал работы скульптора Антокольского. "А я знаю, что на вашей трости — вы в роли Мефистофея, эта скульптура в Третьяковской галерее". Да-а, для 10 лет я была очень неплохо развита. Папа поцеловал ручку его жены, знаете, он был женат на итальянской балерине. Видели мы потом его каждый день, он ходил пешком для мюциона. Пока не уехал в 22-м году.

В выходные дни летом в Саду Эрмитаж в Зеркальном театре гастролировала опера Зимины. После революции Зимин не удрал и руководил театром, который стал филиалом Большого. Шли оперы "Борис Годунов", "Русалка", где Шаляпин пел сумасшедшего Мельника. По несколько раз бисировали, раньше это разрешали, теперь нет. Считается, что нарушается течение спектакля. Сидели мы в первом ряду, я у папы на коленях, и вдруг Шаляпин сказал: "Для меня сегодня счастливый день, дети чуть не с пеленок ходят меня послушать, что же мне спеть для этой девочки с большим бантом?" И, представляете, спел "Блоху" Мусоргского. Мы потом подарили его автограф и его фотографию в Бахрушинский музей.

Я счастливый человек. В течение года каждый день я имела счастье общаться с Маяковским. Человек, которому я рассказала это, сказал: "Можно, я вас потрогаю и поцелую". Поклонник был. Маяковского. А я в то время училась в хореографическом училище на старшем курсе. И в училище пришло письмо от Всеволода Эмильевича Мейерхольда с просьбой прислать ему для спектакля "красивых пять балерин". Ставили пьесу Вс. Вишневского "Последний решительный", изумительная пьеса. Мы танцевали чудесный танец, пародию на классический балет. И был очень смешной случай. Однажды при театре Мейерхольда вместе со мной играл спектакль студенец тогда еще, звали его Валя. Был он в мат-

рской форме, а я изображала его подружку (была очень хорошенькой). Так вот, он все старался побыть ко мне приединиться и ущипнуть или поцеловать. По ходу пьесы это можно было. Но однажды он повел себя более смело, и когда закончился второй акт и мы ушли со сцены, я влепила ему пощечину. А он говорит: "Ах ты жидовка проклятая!" Я расплакалась: "Вот я на тебя Вс. Эмильевич пожалуюсь", и пошла. А Мейерхольд как раз сидел у себя в кабинете, курил папиросы, а за его письменным столом на стуле сидел Вл. Вл. Маяковский. Я плачу-рыдаю: "Всеволод Эмильевич, мы пришли в ваш театр, мы считаем, что вы настоящий коммунист, что это советский театр, и вдруг меня здесь обозвали... жидовкой". Он сделал мне замечание: "Не обзовали, по-русски так не говорят, а называли. А кто?" Маяковский сидит, нога на ногу, курит папиросу и хочет до слез: "Кто же такую красивую девушку так обидел?" Вызвали актера, приходит, такой виноватый. Всеволод Эмильевич говорит: "Ну-ка, подайте друг другу руки, помиритесь, в жизни всякое бывает". А Валя говорит: "Чем же я ее обидел, я сам еврей". И мы помирились, сейчас он жив и прекрасно работает главным режиссером одного из ведущих театров Москвы. Его брат — Питер Брук, лучший Гамлет, и тоже до сих пор жив!

А дальше — мои радостные, счастливые встречи с Маяковским, я горжусь этими встречами. С Маяковским у нас Мейерхольд задумал поставить пьесу "Клоп" и главную роль Присыпкина играл молодой Ильинский. Каждый раз было что-нибудь новое, и сам Всеволод Эмильевич тоже придумывал ему невероятные трюки, когда он просыпался, чесал свою ягодицу: "Клопик, клопуля, как я рад...", ловил его, рассматривал. А потом он изумительно играл в "Лесе", где рассказывал, как он рыбу ловил — она вырывается, по полу скачет, он опять ловит... Это Мейерхольд ему подсказал. Боже, как я плакала, когда в "Огоньке"

была фотография — голый Мейерхольд, пике вот так закрыл, и табличка на нем "В. Мейерхольд, преступник №", и в этой маленькой комнате, где он сидит, сзади параша. Ужас, как его били по больным ногам в тюрьме, да еще и теперь так издаваются.

Маяковский не пропускал ни одной репетиции пьесы "Клоп", стоял в кулисе или сидел недалеко от Всеволода Эмильевича и смотрел с радостью. Это было его первое детище — пьеса, огромный был успех. А "Баня" не имела успеха у публики, уходили толпами. Всеволод Эмильевич говорил нам: "Сильва, девочки, сбегайте на галерку, там моя публика, а в партере недорезанные буржуи сидят, уходят, не понимают моего творчества". А галерка тоже уходила.

Застрелился Маяковский 14 апреля, а по старому стилю узнали мы об этом первого. И когда в театр пришли и сказали, что Маяковский вчера застрелился, мы не поверili и думали, что нас разыгрывают.

А теперь я хочу рассказать о Михоэлсе. Это лучший исполнитель роли короля Лира. Зрительный зал, когда заканчивался спектакль и давали свет, стоя приветствовал исполнителей, полчаса никто не расходился. Мужчины стеснялись своих хороших, добрых слез и вынимали платки. Человек этот в 1948 году трагически погиб. В то время я работала в Ансамбле песни и пляски И. Дунаевского, и наш коллектив приехал на гастроли в Минск. Минск первый пострадал, когда началась война, и от него остались одни руины. И первые несколько лет, пока его не отстроили, все жили в землянках. Михоэлс и театральный критик В. Потапов приехали в составе Комитета по присуждению Сталинских премий... Минскому театру Советской Армии за спектакль "Тевье-молочник". Возвращаясь после вручения премии, они пошли наискосок, чтобы сократить дорогу (руны были сплошные), к артистке Минского балета чаек попить и поделиться впечатлениями... Их двоих прижали к стенке и раздавили, как клопов. Это так было страшно. А у нас там должен быть концерт. Весь коллектив во главе с И. Дунаевским собрали деньги, заплатили неустойку администрации, и никто, конечно, не выступал в память величайшего нашего актера. А ведь хоронила его вся Москва, и никто не знал, говорили, что попал в автомобильную катастрофу. Сейчас уже все знают, что это было казненное убийство.

А теперь, после трагической истории, которой я с вами поделилась, мне хочется немножко вам веселого рассказать. Чтобы на лицах ваших появилась добрая, хорошая улыбка. Был такой у нас знаменитый композитор-песенник. Вернее, два брата их было — Дмитрий и Даниил Покрас. Даниил трагически умер от раз-

рыва сердца прямо в машине; а Дмитрию Яковлевичу господь подарил долгую жизнь. И был его юбилей, 60 лет, праздновали в ЦДРИ. Столько пришло желающих знаменитостей его поздравить, что глаза просто обалдевали, глядя на любимых поэтов, художников и писателей.

Это не то что теперь — один Вознесенский. С Покрасом мы вместе работали в театре, который, к сожалению, очень рано закончил свое существование, потому что имел явно "буржуазное" название — московский мюзик-холл. Он был у нас главным дирижером, и все его обожали. А главным балетмейстером был Касьян Голейзовский. Он поставил у нас номер, в котором участвовали 30 балерин, номер назывался "Змея". Все артисты были в серебряных купальных костюмах, и на левой руке была парочная перчатка до плеча. В финале номера мы образовывали по авансцене огромную шеренгу, держась друг за друга правой рукой (ее не было видно). А левой рукой в перчатке делали волнообразные движения. И получалась такая "анаконда", а у первой стоящей был на пальце перстень с голубым камнем — глаз змеи. Успех был колossalный, тогда это было новое слово в искусстве хореографии.

И вот к юбилею Покраса мы придумали повторить этот номер. Из 30 человек мы сумели собрать только 20, многие уже умерли. Купили в магазине парчу, сделали перчатку, репетировали мы в парадном подъезде нового жилого дома, чуть не передрались. Люди, жившие там, думали, что в доме появились сумасшедшие, так мы все орали. Потому что прошло много лет, и некоторые говорили: "Вот так было". А другие: "Нет, я точно помню, что такое движение". Так как телеса у нас были не те, что в молодости, некоторые были и с животами, и с "чемоданом" сзади, то у каждой нашлось дома черное длинное платье, какие уж тут купальнички... Конферанс был в тот вечер Гаркави. Он взмахнул белым платком, и мы вышли. У рояля сидел Покрас. Он даже заплакал, так был тронут: "Девочки, и как только вы вспомнили!" Номер мы бисировали. А в первом ряду сидели: Шульженко, Юрьев, Утесов, Эдди Рознер...

Дорогие наши читатели, вот я вам рассказала только малую толику из своей длинной, счастливой жизни. И хотя у нас в стране сейчас такая тяжелая жизнь, наше искусство, несмотря на все трудности, поможет наладить эту жизнь. Я и мои товарищи, мы верим в это.

Я тоже счастливый человек. Потому что жизнь подарила мне встречу с удивительной женщиной, красавицей и страстной оптимисткой — Сильвией Александровной Малейновой. Бабушкой Сильвой.

Татьяна ГОРЯЧЕВА.

11. 6. 99.

Малейнова Сильвия